
УДК 94(470.64).084.9

DOI: 10.31007/2306-5826-2020-4-2-47-80-86

**НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ БОРЬБЫ
С «ВРЕДНЫМИ» ПЕРЕЖИТКАМИ ПРОШЛОГО
В СОВЕТСКОЙ КАБАРДИНО-БАЛКАРИИ
(На примере борьбы с обычаем умыкания невест)**

Такова Александра Николаевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора новейшей истории Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук» (ИГИ КБНЦ РАН), sanatakova@yandex.ru

Предметом исследования является обычай умыкания, его место и роль в кабардино-балкарском обществе советского периода. Рассматривается историография проблемы, дается характеристика применяемых органами государственной власти республики методов борьбы с ним. Анализируются причины устойчивости данного обычая в изучаемом социуме.

Ключевые слова: умыкание, обычай, Кабардино-Балкария, социум, Уголовный кодекс, гендер.

У кабардинцев и балкарцев умыкание невест в разные исторические периоды являлось одной из форм заключения брака, существовавшей наряду с браком по сговору. В советский период против данного обычая, попавшего наряду с уплатой калыма, многоженством, кровной мезью, вступлением в брак с лицом, не достигшим совершеннолетнего возраста и пр. под категорию «вредных» пережитков прошлого, шла активная борьба на государственном уровне. Однако, несмотря на это, умыкание на протяжении всего рассматриваемого периода, было распространено в общественно значимых масштабах. Предметом настоящего исследования является, с одной стороны, рассмотрение мер, принимавшихся органами власти для его искоренения из общественного и семейного быта, а, с другой, выявление причин его укорененности и живучести в кабардино-балкарском социуме.

Изучение умыкания, как одной из форм заключения брака в советский период, проводилось преимущественно сквозь призму разоблачения его антисоветской сущности и носило, в большинстве своем, пропагандистский характер. Лишь в 80-е гг. XX в. вышли два капитальных научных труда – Смирновой Я.С. «Семья и семейный быт народов Северного Кавказа (вторая половина XIX–XX в.)» [Смирнова 1983] и Меретукова А.Н. «Семья и брак у адыгских народов (XIX – 70-е гг. XX в.)» [Меретуков 1987]. В рамках данных работ явления общественного и семейного быта горских народов, как прошлого, так и настоящего, в том числе брак умыканием, были подвергнуты скрупулезному изучению. Стоит отметить, что Я.С. Смирновой принадлежит важное теоретическое обобщение, в соответствии с которым она впервые в отечественной науке разделила умыкание на три основные его разновидности, по сути представлявшие собой совершенно разные социальные явления, обозначаемые, однако, общим термином: 1) похищение без согласия девушки и вопреки воле ее родни; 2) похищение с согласия девушки, но против воли ее родни; 3) фиктивное похищение по соглашению всех заинтересованных лиц и сторон [Смирнова 1983: 53]. Данный теоретический

подход в целом используется и в современной отечественной исторической науке. В перестроечный и постсоветский периоды изучение обычая умыкания не стало предметом самостоятельного исследования. Однако в ряде работ таких авторов, как Х.М. Думанов, Л.Х. Сабанчиева, А.Х. Абазов [Думанов 1990, Сабанчиева 2005, Абазов 2014] и др. данный обычай затрагивался. Важно отметить, что в общем их контексте обычай умыкания стал рассматриваться как сложное, многофакторное социальное явление, а не исключительно как мера, способствовавшая снижению размера калыма и прочих свадебных расходов. Таким образом, был поставлен вопрос о более глубинных, по сравнению с чисто экономическими, причинах укорененности данной формы заключения брака.

На протяжении всего советского периода заключение брака посредством умыкания рассматривалось в качестве «вредного» пережитка быта, принципиально несовместимого с задачей строительства нового социалистического общества и подлежащего полному искоренению. Так, уже 5 марта 1921 г., в период нахождения Кабарды в составе Горской республики (январь-сентябрь 1921 г.), был принят приказ Нальчикского окружного Исполкома Советов «О запрещении похищения девушек и отмене калыма». В данном документе отмечалось, что «...до сей поры практиковался варварский обычай похищения девиц, на каковой почве... вытекала целая сеть кровной вражды, тянувшейся десятки лет и уносившей массу ни в чем не повинных жертв. Несмотря на то, что ...большинство граждан ...не могли осознать всей пагубности этого варварского обычая ... идя тем самым против воли трудового народа,... а сельская власть в своем бездействии дошла до того, что не только не старалась ликвидировать это явление, но совершенно закрывала глаза, не обращая внимания на то, что делалось в селениях. Считая, что указанному явлению в будущем ни в коем случае не должно быть места, Нальчикский окружной исполком Советов предписывал: 1. При заключении брачных союзов и совершении нэжых родители невесты не должны обязывать жениха уплатой калыма, каковой со дня опубликования настоящего приказа совершенно упраздняется, и браки заключаются по обоюдному соглашению брачующихся, без принуждения с чьей бы то ни было стороны. 2. Практиковавшееся похищение девиц безусловно воспрещается» [Великий Октябрь 1979: 32–33].

Столь категоричная форма процитированного документа объясняется рядом причин. Усиленная бескомпромиссная борьба с обычаем умыкания, а наряду с ним и другими, упомянутыми выше обычаями, отнесенными советской властью к категории «вредных» пережитков прошлого, была связана с проводимой в 20-е гг. XX в. кампанией по раскрепощению женщины. По справедливому замечанию Я.С. Смирновой, «...на Северном Кавказе, и в том числе в Кабарде, на протяжении по крайней мере первого десятилетия Советской власти важнейшим фактором перестройки семьи и семейного быта была борьба за раскрепощение горянки» [Смирнова 1983: 122]. Как известно, особенно активно данная кампания проводилась в национальных, прежде всего, мусульманских, регионах страны и ставила своей целью не столько юридическое уравнивание женщин в правах с мужчинами, что с формальной точки зрения было осуществлено достаточно оперативно, сколько практическое раскрепощение женщины-горянки, превращение ее в активного социального субъекта. Как справедливо отметила исследователь Л.Х. Сабанчиева, законодательные акты «...обеспечивали лишь юридическое равноправие горянки, которое было первым, необходимым, но далеко не достаточным шагом к установлению ее фактического равноправия» [Сабанчиева 2016: 17]. В этой связи брак умыканием, при осуществлении которого роль женщины была довольно пассивной, принципиально противоречил как основным принципам данной кампании, так и ее стратегической цели – уравниванию статуса женщины и мужчины во всех сферах социума, а, шире, слову традиционных стереотипов по распределению гендерных ролей.

Не следует снимать со счетов и антирелигиозную подоплеку. Проводившаяся в данный период активная атеистическая работа была направлена на значительное ослабление влияния религии на общественный и семейный быт, и, соответственно, влияние служителей культа. В их функции, как известно, входила легитимизация брака, заключенного посредством умыкания невесты. Именно духовное лицо, или, позже любой человек, знавший основы проведения соответствующего обряда, проводило мусульманское бракосочетание. Только после его совершения молодые могли вступать в фактические брачные отношения. При этом сама свадьба могла проводиться по прошествии определенного времени, нередко составлявшего несколько недель, а то и месяцев. В итоге в процессе заключения брака посредством умыкания духовное лицо играло одну из ключевых ролей.

В 1926 г. был принят Уголовный кодекс СССР. В нем была выделена отдельная X глава, посвященная так называемым «бытовым» преступлениям. Как отмечает И.Л. Бабич, «...в соответствии с ним похищение женщины с целью заключения брака (ст. 197) каралось лишением свободы или принудительными работами сроком до 2 лет» [Бабич 1995: 92]. Интересно отметить, что основанием для возбуждения уголовного дела являлось выявление самого факта совершения умыкания представителями власти, вне зависимости от того поступило ли официальное заявление о случившемся или нет. М.А. Меретуков отмечал по этому поводу, что местные исполкомы, милиция и судебные власти, получив уведомление о совершенном похищении женщины, обязаны были немедленно принять меры к задержанию виновных и освобождению похищенной. При этом «...представители власти, не исполнившие этого, подлежали судебной ответственности как за преступление по должности» [Меретуков 1987: 109]. По справедливому замечанию Я.С. Смирновой, «...это была очень важная статья для практической работы в местных условиях, так как в те годы было едва ли не общим правилом, что девушки, да и молодые люди под влиянием старшей родни и духовенства не решались прибегать к защите закона» [Смирнова 1983: 125]. Таким образом, в случае похищения женщины предполагалось применение наказания даже в случае ее однозначного согласия на брак с похитителем, а равно и положительного отношения к свершившемуся всех причастных лиц.

Статья, включавшая преступления, составляющие пережитки местных обычаев или так называемые «бытовые» преступления, присутствовала также в Уголовном кодексе 1960 г., заменившим предшествующий (1926 г.). В нем данная статья была представлена в несколько урезанном виде. Вместо 11 составов, содержащихся в Уголовном кодексе 1926 г., было выделено лишь 5. Однако умыкание невесты (ст. 233) продолжало фигурировать [Уголовный кодекс РСФСР]. При этом наказание за его совершение предусматривалось такое же, как и по Уголовному кодексу 1926 г. – 2 года лишения свободы. Наличие в Уголовном кодексе 1960 г. специальной статьи, посвященной умыканию, свидетельствует, с одной стороны, об устойчивости данного социального явления, а с другой – о сохранении на государственном уровне идеи борьбы с ним.

Стоит отметить, что в плане правоприменительной практики, несмотря на мощную агитацию, наличие в законах мер, предоставлявших возможность для уголовного преследования, проведения показательных публичных судебных процессов, культивирования так называемых «красных» свадеб и т.д., привлечение к ответственности лиц, уличенных в похищении женщин, в 20–30-е гг. XX в. ознаменовалось в Кабардино-Балкарии лишь серией показательных выездных судебных процессов. Так, например, в прессе освещалось проведение двух открытых судебных слушаний в феврале 1926 г. [Карахалк 1926]. Однако в последующие десятилетия в Кабардино-Балкарии ежегодно возбуждалось не более 3–4 дел по умыканиям, что обоснованно ставит вопрос о причинах столь малого числа возбужденных уголовных дел при широких масштабах распространения данного

явления. Возможно, несмотря на все усилия, умыкание невест не стало восприниматься в социуме в качестве отрицательной социальной девиации, требующей своего искоренения. По этому поводу в аналитической записке по с. Нижний Куркужин Кубинского района (ныне – Баксанский район) за 1949 г., в частности, отмечалось, что о фактах хищения девушек в селении «...никто не говорит и никто не замечает их, им мало придают значения, так как считают это вполне нормальным явлением» [УЦДНИ АС КБР. Ф 1. Оп. 1. Д. 1771. Л. 25]. Нередкими в республике были случаи, когда в умыканиях участвовали, а порой и организовывали их, комсомольцы, а также члены партии и ответственные руководители, которым, собственно, вменялось в обязанность бороться с ними. Подробный документ, с перечислением наиболее резонансных фактов подобного рода только за 1948–1949 гг. [УЦДНИ АС КБР Ф 1. Оп. 19. Д. 229. Л. 19–25] на семи листах, позволяет сделать вывод о том, что умыкание невест оставалось достаточно распространенным явлением, несмотря на почти 20-летнюю декларированную борьбу с ним, причем с одинаковой частотой встречавшееся как в среде рядового крестьянского населения, так и у ответственных работников, руководителей местного и республиканского уровней, коммунистов и комсомольцев. Масштабность изучаемого явления связывалось авторами документа с тем, что на местах доминировали «...факты либерального отношения со стороны отдельных судебно-следственных органов к фактам хищения девушек, выплаты калыма и т.д.» [УЦДНИ АС КБР. Ф. 19. Оп. 1. Д. 229. Л. 20].

Таким образом, деятельность, направленная на искоренение из общественного и семейного быта кабардинцев и балкарцев теоретически несовместимых с социалистическими принципами норм и обычаев, к которым относилось и умыкание невест, активно проводившаяся в первые десятилетия советской власти, оказалась недостаточно эффективной для искоренения данного социального явления. Возможно, его устойчивость была связана с комплексом явлений, так или иначе способствовавших не только его сохранению, но и развитию. Главными, при этом являлись следующие:

1) общее падение жизненного уровня значительной части населения (особенно в 20–30-е гг. XX в.) вызывало необходимость к проведению свадеб с наименьшими финансовыми затратами. Брак посредством умыкания невесты был менее затратным, чем брак по сговору, как для стороны жениха, так и для стороны невесты. Значительная экономия присутствовала ввиду исключения из свадебного цикла целого ряда обрядов, обязательных при проведении свадьбы по сговору (сватовство, организация свадебного кортежа с угощениями и подарками, «выкуп» невесты, застолье в доме невесты, торжественный перевоз невесты в дом жениха и др.). Каждый из этих обрядов свадебной церемонии сопровождался обоюдными щедрыми одариваниями и организацией пышных многолюдных застолий, что было достаточно затратным. В случае умыкания данные обряды свадебной церемонии не проводились. Еще одним нюансом, усиливающим экономические выгоды от брака умыканием, в данном случае для стороны невесты, являлась отсрочка приданного. В случае свадьбы по сговору оно доставлялось в день приезда на свадьбу родственников невесты. В случае же умыкания, ввиду того, что времени для его подготовки у родни невесты было априори недостаточно, приданное привозилось уже после свадьбы, нередко через несколько месяцев после нее, а то и год.

2) социальная нестабильность, следствием которой являлось нацеленность на проведение свадеб в наиболее сжатые временные сроки. Данный аспект был связан с общим историческим фоном – коллективизацией, крестьянскими восстаниями, репрессиями, войной, послевоенной разрухой и пр.

3) агрессивная разоблачительная пропаганда против умыканий и его отрицательной сущности, как не парадоксально, способствовала утверждению в общественном сознании восприятия данной формы заключения брака в качестве

старинного, хоть и негативного (вредного) национального обычая, широко распространенного в прошлом. Ввиду этого, его соблюдение могло восприниматься, хотя и иррационально, как один из способов самосохранения себя как этноса, на фоне всеобъемлющей советизации.

4) специфическое восприятие общественностью положения похищенной. Оно сводилось к тому, что похищение фактически приравнивалось к выходу замуж. После похищения, в случае ухода невесты из дома похитителя, ее шансы на последующее удачное замужество были весьма невелики. Она становилась объектом сплетен и кривотолков, насмешек и оскорблений. Данное утверждение подтверждают и архивные документы. Показательным примером, в этой связи, может быть случай, произошедший в одном из сел республики в 1947 г. Здесь родители похищенной девушки не только забрали ее из дома похитителя, но и заявили о случившемся в органы правопорядка. Над лицами, участвовавшими в похищении, состоялся суд, по решению которого похититель был осужден на 1,5 года заключения. Однако жители села, а также и представители власти не поддержали подобный прецедент. В документах отмечается, что «...вокруг этого приговора ни партийные, ни комсомольские организации никакой работы не проводят. Потерпевшая А.Ф. чувствует себя довольно неловко, а комсомольская организация, да и партийная ничего не сделали, чтобы оградить ее от всевозможных насмешек» [УЦДНИ АС КБР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1771. Л. 26]. Впоследствии А.Ф. вынуждена была покинуть село. Поэтому, ввиду опасности подобной огласки, похищенные девушки, даже не желавшие выходить замуж за похитителя, в подавляющем большинстве соглашались на брак. Стоит отметить, что в последующие десятилетия отношение социума к похищенной значительно либерализировалось. А уход из дома похитителя перестал оказывать сколько-нибудь существенное влияние на перспективы последующего замужества, что имеет место и по сей день.

В итоге, в советский период умыкание сохранилось, и даже как не парадоксально, стало доминирующей формой заключения брака, обыденным явлением, своеобразным типичным признаком народной среды. Данный тезис красноречиво подтверждают архивные материалы. К примеру, по свидетельству аналитической записки за 1947 г. по одному из наиболее крупных кабардинских селений республики умыкание «...настолько укоренилось в селении, что девушка, хотя и согласна выйти замуж, все же должна быть похищена», рядовые колхозники, в свою очередь, «...считают данный поступок за подвиг». Документ заканчивается выводом о том, что в указанном селении «...нет ни единого факта регистрации брака до кражи» [УЦДНИ АС КБР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1771. Л. 25, 38]. В свою очередь иной способ заключения брака – торжественный увоз невесты из родительского дома или брак по сговору стал, напротив, достаточно редким явлением. В общем и целом, в годы советской власти, судя по данным имеющихся источников, обычай умыкания в Кабардино-Балкарии не только не был изжит, несмотря на довольно активную борьбу с ним, но обрел устойчивость. Он стал типичным для изучаемого социума явлением. Красноречиво иллюстрирует данный вывод еще один архивный документ за 1961 г. по с. Алтуд Прохладненского района. Судя по его содержанию похищение девушек превратилось в настолько обычное явление, что руководство села (председатель сельсовета и партком) «...делают вид, что ничего особенного в этом нет» [УЦДНИ АС КБР. Ф. 76. Оп. 1. Д. 273. Л. 86].

Профессиональные исследования обычая умыкания в советский период специально не проводились. Однако в 1973 г. в республике силами сектора этнографии КБНИИ была проведена масштабная этносоциологическая экспедиция по теме «Новое и традиционное в культуре и быте кабардинцев и балкарцев», где обычай умыкания затрагивался. Ее результаты весьма любопытны, так как позволили ученым сделать вывод о практически полном исчезновении в республике умыкания, как формы заключения брака. В изданных по итогам экспедиции

материалах, в частности, говорилось, что «... похищение девушек, широко распространенное среди горцев в прошлом, ныне почти не встречается. Этот обычай осуждается не только законом, но и общественностью. Из 276 браков лишь в 8 случаях было инсценировано похищение, ничего общего, конечно, не имевшее с дореволюционным умыканием невесты» [Мамбетов, Думанов 1977: 63–64]. Далее авторы поясняют, что «... во всех восьми случаях парень и девушка жили в одном и том же населенном пункте, знали друг друга и встречались, вели переговоры о женитьбе, их отношения были известны родственникам и односельчанам. Однако необходимая договоренность с родственниками невесты не была достигнута и пришлось инсценировать похищение» [Мамбетов, Думанов 1977: 64]. Подобные результаты весьма неожиданны, и, на первый взгляд, полностью противоречат процитированным выше архивным документам. Попытаемся объяснить их.

Стоит сразу оговориться, что принятая на сегодняшний день схема деления умыканий на три разных по содержанию формы, введенная в науку Я.С. Смирновой несколько позже данной экспедиции, учеными, естественно, не применялась. Кроме того, в материалах указывается на то, что «... необходимая договоренность с родственниками невесты не была достигнута» [Мамбетов, Думанов 1977: 64], то есть одна из сторон по тем или иным причинам была против брака. Таким образом, посредством умыкания семья невесты была поставлена перед свершившимся фактом. И здесь, конечно, налицо отклонение от общепринятых в социуме норм. Самая же распространенная форма умыкания – по согласию всех заинтересованных сторон, даже не упоминалась респондентами, так как, по нашему мнению, не воспринималась ими в качестве девиации, а, напротив, как необходимый составной элемент свадебной обрядности. Помимо этого, возможно, официальное негативное отношение к умыканию могло способствовать и сознательному замалчиванию данного факта. Определенную роль могли сыграть и установки ученых, нацеленных подтвердить успешное строительство в субрегионе социалистического общества, при наличии незначительного числа «вредных» пережитков, которые в обозримом будущем полностью исчезнут. Ввиду этого объективные цифры разрушили бы тезис о кардинальных преобразованиях общественного и семейного быта горских народов, а умыкание из разряда пережитков превратилось бы в типичное явление общественного быта. Это, в свою очередь, сводило бы к нулю всю пятидесятилетнюю работу органов советской власти по искоренению данных пережитков из семейного и общественного быта горцев.

Примерно в это же время (1972 г.) вышла небольшая статья, посвященная преобразованиям семейного и общественного быта, произошедшим в советский период, содержащая противоположенное предшествующему мнению по изучаемой нами проблеме. В ней говорилось о том, что пятьдесят лет советской власти коренным образом преобразовали жизнь в Кабардино-Балкарии, «...но этот срок оказался недостаточным для полного и окончательного искоренения всех вредных пережитков «адыгэ хабзе» и шариата» [Катанчиев 1972: 118–119]. Кроме того, по указанию автора, «...из всех пережитков местных обычаев в Кабардино-Балкарии наибольшее распространение сохранило похищение женщины для вступления в брак» [Катанчиев 1972: 120]. Таким образом, полевые исследования ученых, с одной стороны, и прочие материалы, с другой, по вопросу распространенности обычая умыкания в социуме Кабардино-Балкарии в советский период достаточно противоречивы и ждут своего исследователя.

В заключении хотелось бы отметить, что в годы перестройки и в постсоветский период в национальных регионах страны, в том числе, в Кабардино-Балкарии, имело место довольно яркое социальное явление, позже названное учеными этнической мобилизацией. Основным его содержанием стал небывалый всплеск интереса общественности ко всему связанному с национальной спецификой, своего рода «моды» на всевозможные проявления своей этнической принадлежности.

В рамках свадебной обрядности умыкание утвердилось в качестве ее неотъемлемой части. В последующем данный обычай даже обрел черты этнокультурного бренда, что имеет место по сей день.

Источники и литература

1. *Бабич И.Л.* Народные традиции в общественном быту кабардинцев. М.: РАН. Институт этнологии и антропологии им. М.М. Миклухо-Маклая, 1995. 129 с.
2. Великий Октябрь и раскрепощение женщин Северного Кавказа и Закавказья (1917–1936 гг.). Сборник документов и материалов. М.: Мысль, 1979. 370 с.
3. *Думанов Х.М.* Социальная структура кабардинцев в нормах адата первой половины XIX в. Нальчик: Эльбрус, 1990. 263 с.
4. *Сабанчиева Л.Х.* Гендерный фактор традиционной культуры кабардинцев (вторая половина XVI – 60-е годы XIX века). Нальчик: Эль-Фа, 2005. 246 с.
5. *Абазов А.Х.* «Брак умыканием» как институт соционормативной культуры кабардинцев в последней четверти XIX в. // Женщина в российском обществе. 2014. № 3. С. 3–9.
6. Карахалк. 1926. 1 марта.
7. *Катанчиев Т.М.* Формы и методы борьбы с сохранившимися вредными установками местных обычаев, то есть «адыгэ хабзэ» и шариата в КБАССР // Современное право, традиции, обычаи и их роль в формировании нового человека. Материалы 2-ой Северокавказской научной конференции. Нальчик, 1972. С. 117–120.
8. *Мамбетов Г.Х., Думанов Х.М.* Некоторые вопросы современной кабардинской свадьбы // Этнография народов Кабардино-Балкарии. Вып. 1. Нальчик: Кабардино-Балкарский институт истории, филологии и экономики при Совете Министров КБАССР, 1977. 184 с.
9. *Меретуков А.М.* Семья и брак у адыгских народов (XIX – 70-е гг. XX в.). Майкоп: Адыгейское отделение Краснодарского книжного издательства, 1987. 368 с.
10. *Сабанчиева Л.Х.* Гендер в социально-политических процессах в Кабардино-Балкарии (20-е гг. XX в. – начало XXI в.). Нальчик: Издательский отдел КБИГИ, 2016. 156 с.
11. *Смирнова Я.С.* Семья и семейный быт народов Северного Кавказа (вторая половина XIX–XX вв.). М.: Наука, 1983. 265 с.
12. Уголовный кодекс РСФСР редакции 1960 г. Электронный ресурс режим доступа http://base.garant.ru/10107062/17/#block_3110
13. УЦДНИ АС КБР – Управление центра документации новейшей истории Архивной службы.

SOME ASPECTS OF THE FIGHT AGAINST THE «HARMFUL» REMNANTS OF THE PAST IN SOVIET KABARDINO-BALKARIA (Using the example of the fight against the custom of washing brides)

Takova Aleksandra Nikolaevna, Candidate of History, Senior Researcher of the modern History Sector of Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences» (IHR KBSC RAS), sanatakova@yandex.ru

The subject of the study is the custom of skill, its place and role in the Kabardino-Balkarian society of the Soviet period. The historiography of the problem is considered, a description of the methods used by the state authorities of the republic to combat it is given. The reasons of stability of this custom in the studied society are analyzed.

Keywords: custom, Kabardino-Balkaria, society, Criminal Code, gender.

DOI: 10.31007/2306-5826-2020-4-2-47-80-86